

чающий всех родных и знакомых, а также только что вошедших впервые в их квартиру людей. Я никогда больше не встречал таких радушных людей.

6. НАШИ ДЕРЕВЕНСКИЕ СОСЕДИ

Слева от нас в деревне жила семья дяди Коли (так его звали все сельчане) с фамилией тоже Герасимовы, но не наши родственники. Дядя Коля был суровым, молчаливым, уже пожилым мужчиной и потому мало привлекался к колхозным делам, хотя по дому всегда был занят какой-то работой. На любую просьбу жителей деревни помочь в чем-то или дать попользоваться его инструментом и инвентарем всегда отвечал согласием. У дяди Коли был лучший в деревне яблонево-сливовый сад (груш почему-то он не держал), за которым он с любовью и знанием дела ухаживал. Всегда осенью белил стволы деревьев, разводил весной на ночь дымовые костры, если ожидалась заморозки, прививал разные сорта плодовых деревьев, в конце зимы обрезал лишние сучья, разреживая для большей освещенности крону. Упавшие с его деревьев на землю яблоки бессемянки, бели и еще каких-то красных и вкусных сортов я изредка подгребал длинной палкой к себе через отверстия в заборе. В нашем саду таких яблонь не было, а, кроме того, чужие всегда кажутся слаще. Его супруга – тетя Дуня – тоже постоянно хлопотала по домашнему хозяйству.

С этими соседями мои родители общались редко, но я на улице часто спрашивал о чем-либо дядю Колю, и он мне все охотно рассказывал и показывал. В малолетние годы, когда я слышал какой-то стук и шум в их дворе, то мог без спроса заходить к ним и смотреть, как дядя Коля работает со столярным инструментом или на ножном точильном деревообрабатывающем станке. Я не помню, чтобы сосед когда-либо прогнал меня. Мой отец говорил, что до революции дядя Коля был одним из наиболее крепких и зажиточных крестьян и даже нанимал батраков для обработки своих полей. В главе 1 я уже немного писал о хозяйстве дяди Коли. Помню, что в 1940 году я увидел через забор, что сосед в присутствии каких-то двух мужчин с портфелями рубит топором под корень свои с любовью выращенные яблони. При этом он горько плакал, не скрывая своих слез. Я был очень озадачен происходящим и стал наблюдать за дальнейшим развитием событий. Оставив только четыре или пять яблонь, дядя Коля стал горячо спорить, доказывая присутствующим, что сливы и чернослив – это не фруктовые деревья, а кустарники.

Вечером я рассказал все отцу, и он пояснил, что Советская власть приняла какой-то дурной закон о высоком налоге на фруктовые деревья, поэтому и началась их переписка в каждом саду уполномоченными на то лицами. И чтобы не платить огромные деньги, дядя Коля и рушил свой сад. Без налога разрешалось держать только четыре фруктовых дерева. У нас в саду было 8 яблонь, 4 из которых занесли в налоговую ведомость, а две стоящие в стороне около хлевов груши

почему-то не записали. Наверное, не обратили на них внимание или посчитали их не фруктовыми.

У дяди Коли было трое сыновей и дочь. Дома они появлялись редко, кем были и где работали, мы ничего не знали. С нами и другими соседями они практически не общались. В 1941 году сыновей призвали в армию. Двое из них погибли, а третий раненым попал в плен к немцам и после войны был посажен в лагерь, отсидев полных 10 лет. Только когда он вернулся и начал учительствовать в школе одной из дальних деревень, мы узнали, что еще до войны он закончил педагогический институт в Москве.

У соседей справа – Петровых – отца не было. С матерью жили три сына (Василий, Иван, Михаил) и четыре дочери. Фамилию «Петровы» многие в деревни, как и я, не знали, так как звали их все Севостьяновыми. Все они были общительными, крепкими и работающими, хорошо трудились в колхозе, весело проводили свои семейные и принятые праздники, активно участвовали в колхозных мероприятиях, причем после принятия горячительных напитков братья очень любили учинять драки. Втроем они активно с кулаками наваливались на одного «обидчика» и потому всегда выходили победителями. Правда, взаимного зла после таких потасовок никто не держал. Считалось, что на Руси драки обычное и даже нужное дело. Василий имел жену и дочь, а одна из сестер была очень деятельной и знающей колхозной бригадиршей, с мнением которой считался и сам председатель. Другая работала учительницей в деревенской школе, находящейся от нас в 5–6 километрах и иногда там ночевала. Наши семьи постоянно обращались за чем-нибудь друг к другу, у сестры Клавдии имелась тут подружка Александра, а разделяющий наши сады забор был даже не сплошным в отличие от крепкого прочного подобного забора с дядей Колей. Во время войны Василий погиб, Михаил вернулся без ноги и вскоре умер. Остался только Иван (так звали его все – и взрослые, и дети), плотно сбитый крепкий мускулистый мужик, балагур и юморист. Когда начиналась заготовка сена на заливных лугах, Иван всегда по указанию председателя колхоза назначался бригадиром косарей. Он же выполнял обязанности бригадира и, по существу, коменданта палаточного лагеря при выездах на временное проживание за 25 километров от деревни в мещерские леса для заготовки сена. Еще до войны я несколько раз просил Ивана взять меня туда на сенокос для охраны стана и приготовления горячей пищи. Он обычно соглашался, но мать меня не отпускала. Наконец, в 1939 году в конце июля мать разрешила мне поехать на сенозаготовку и председатель колхоза занес меня в список бригады в качестве охранника с естественным начислением трудодней в колхозную книжку матери. Я ходил гордый этим среди деревенской ребятни. Достаточно быстро собрал в мешок свою одежду, подушку и ватное одеяло, сухари, картошку и крупу, соленое свиное сало, чай и сахар с конфетами, котелок (они имелись в каждой семье) и соответствующую посуду. Взял свое основное оружие – большой острый складной нож с хорошо закаленным лезвием, который изготовил и подарил мне кузнец Шура. Мать дала комплект портянок и лапти, так

как на сенокосе все обычно носили именно их. Это действительно очень легкая и удобная обувь, нога чувствует в них естественную среду и мало устает. В лаптях как ходили по сухой земле, так и смело шагали в болотистую траву и воду. Естественно, что ноги тут же промокали, но на сухом грунте портянки и лапти легко высыхали. Позже, с 1941 года, я практически в течение 9 лет ежегодно летом в сенокосный сезон по месяцу ходил только в лаптях и не помню, чтобы кто-то пожаловался на опрелость или болезни ног. В принципе, до революции в каждом доме сами плели себе лапти, имея для этого соответствующие снасти (колодки, ножи, кочедык – специальное лапотное шило). У нас дома они тоже были, и я лапти плести пробовал. Но затем в деревне по указанию председателя колхоза стали заниматься лаптеплетением только несколько пожилых специалистов этого дела, которые заготавливали много липового лыка (в строго согласованных с лесхозом местах), имели разных размеров колодки и плели лапти по заказам с нужным количеством слоев лыка на подошве. Я тоже драл лыко и для увеличения срока носки лаптей сам добавлял от одного до трех слоев на подошву, а также ремонтировал свои лапти, вплетая в разорванные или лопнувшие места новые ленты из лыка.

Брезентовые палатки имелись во многих домах (у нас не было), но при необходимости их получали с колхозного склада. При этом предусматривалось, что при сборе сухого сена и укладки его в стога в каждой палатке будут жить еще по одной-двум женщинам, которые приедут позже в зависимости от погоды. Конкретные кандидатуры определялись заранее, и для них запасались сразу спальные принадлежности и посуда. В начале августа 1939 года в мой первый выезд сформировался конный тележный обоз с косцами и женщинами за поводьями, которые должны уехать обратно с места разбивки лагеря. Утром после выгона колхозного и домашнего скота на выпас красочный обоз тронулся в путь в сопровождении многих жителей до конца деревни. В лесу наезженной дороги не было, только рассекающие лес на кварталы просеки, поросшие густым кустарником. Поэтому впереди обоза шли два-три старожила, кто неоднократно ранее уже выезжал на места покоса, и указывали направление движения обоза. С ними шли еще несколько человек, которые срубали около дороги мелкую поросль, отмечая таким образом тракт, чтобы по засохшим веткам ориентироваться в лесной глуши на обратном пути. Время в дороге занимало обычно около 6 часов. Приехав, остановились как всегда, с периодичностью в 2–4 года, на окраине лесного выступа в большую поляну, окруженную смешанным, в основном лиственным лесом, поросшую густой высокой сочной травой и буйно цветущим и пахнущим разнотравьем. Воздух был напоен ароматом цветов и созревших ягод (земляники, малины, костяники). Неподалеку виднелись несколько непересыхающих летом болот. По краям леса стояли толстые раскидистые дубы, как будто кто-то давным-давно специально посадил их здесь. Еще несколько подобных полян находилось за перелесками, где тоже заготавливали сено. Красотища виделась необыкновенная, но селяне, привыкнув к ней, как-то не очень ее замечали. Вот

написал это и вспомнил одно стихотворение (кажется, нижегородского поэта Николая Комиссарова), очень созвучное той ситуации. Но так как подлинных строк я точно не помню, а только некоторые из них, то вставил в стихотворение свои слова, получив такую лирическую рифмовку:

*На поляне лесной, в первый день сенокоса,
Я стоял, любовался в кустистой тиши.
Солнце жарким лучом с листьев вытило росы.
Мужики-косари уж ушли в шалаши.*

*Я упал на валки, я дышал ароматом
Диких трав луговых, что цвели не таясь.
И мне вспомнилось вдруг, здесь мальчишкой когда-то
Мял траву босиком, ноги сбить не боясь!*

Под дубами на наиболее высоких сухих местах выкосили траву и поставили палатки, хотя некоторые любители свежего воздуха соорудили как всегда только двухскатные шалаши, покрыли их лапником, затем слоем свежескошенной травы и опять лапником. Но вход в шалаш закрывали откидывающимся полотном из брезентовой тяжелой ткани для спасения от комаров, оводов и слепней. Организовали места для кострищ (одно на двух-трех хозяев), вбив по два колышка с рогульками на концах, чтобы на них класть деревянные поперечины с подвешенными котелками и чайниками, вкопали около каждого «жилища» толстый столб и вбили в него наковальню для ежедневной отбивки кос. Меня жить с собой в палатке взял бригадир Иван.

Косить траву начинали утром обязательно часа в 4 в еще прохладное время и при наличии на траве росы, а к 9 часам возвращались на стан, готовили на кострах (благо сушняка на земле валялось всегда в избытке) горячий завтрак и чай, а затем практически одновременно все косари отбивали молотками на наковальнях косы, чтобы потом не было никакого шума в традиционные часы отдыха в палатках до обеда. Отбивка кос – это довольно большое мастерство, требующее навыка и значительного опыта, ибо от этого зависит острота косы и ее долговечность, периодичность заточки жала бруском при кошени и в итоге – степень усталости работника. При отбивке нужно равномерно по длине полотна косы оттянуть от него молотком на наковальне тонкий слой стали (создать жало) и упрочнить этот слой путем наклепа. Конечно, это в значительной мере зависит от качества стали. Поэтому настоящий косарь предварительно отбирает для себя несколько полотен, определяет подходящую их длину и проверяет в деле. Редко, но удавалось достать некоторым косы германского или австрийского производства, и тогда обладателям этих кос все завидовали, ибо их полотна качественно отбивались, хорошо наклепывались (сталь становилась твердой) и долго оставались острыми. У нас размер полотна определялся количеством уложенных по ее длине средних ширин ладоней мужских рук, и потому полотна имели размер от «шести- до двенадцатиручного». Косами с самыми короткими полотнами

пользовались новички и подростки, а двенадцатиручными – взрослые мужчины. Чем длиннее полотно, тем шире разовый шаг срезаемой травы и потому реже периодичность замахов косой. А это при определенном опыте снижает усталость человека. Большое значение имели правильное закрепление полотна на окосии (черенке), форма и положение на ней ручки (рычага). Положение ручки по высоте регулировалось в зависимости от косьбы на сухом или болотистом месте. Подобранный под себя каждым взрослым косарем коса служила ему, как правило, всю жизнь. Ломались полотна о неожиданно оказавшиеся в густой траве препятствия достаточно редко, и это становилось настоящим горем для хозяина. Учитывая такую вероятность, бригадир всегда брал на подобные покосы несколько запасных, уже насаженных на черенки кос.

Проснувшись после утреннего отдыха, варили или разогревали обед, ели и шли в 14 часов вновь на косьбу до восьми вечера. Затем готовили ужин, отбивали косы и далее – крепкий от усталости сон на свежем воздухе. И так каждый день.

Во время разнарядки бригадир при всех собравшихся определил и мне службу, сказав очень серьезно: «Ты как охранник должен с ножом сидеть высоко на дубе в центре лагеря, должен все видеть и все слышать как пограничник на посту. Так в течение двух первых дней я и сидел в кроне дуба, чувствуя себя гордым за оказанное доверие. Правда, на следующий день дуб по предложению бригадира был сменен на другой, ибо «...враг мог издалека засечь мое местонахождение». В обеденный перерыв и вечерами я докладывал бригадиру, что ничего серьезного вокруг замечено не было. Может быть, в связи с этим, а вероятнее всего из-за завершения проверки меня на обещание четко выполнять все указания бригадира на третий день «спустил» меня на землю, позволив вести себя более свободно в лагере, в том числе ходить недалеко в лес за земляникой, костяникой (ее было особенно много), малиной и грибами. Конечно, имело значение и то, что во все предыдущие годы никаких чрезвычайных происшествий на стане и не было зафиксировано. Правда, в мою обязанность теперь вошло собирание сушняка для всех костров.

Для сбора сена приезжали женщины. Они сгребали его в высокие валки и затем укладывали в копны. После этого небольшая часть мужчин отряжалась на переноску копен сена к стогам. Здесь вилами они подавали его наверх женщинам, которые укладывали и утаптывали сено вокруг стожаря (стожарь, высокая жердь, вкопанная в землю) каждого стога. Для переноски использовались длинные, приготовленные еще в деревне и доставленные в лагерь прочные и хорошо высушенные жерди с заостренными концами (иногда такие жерди называли носилками). Этими концами протыкали параллельно насквозь около низа копну, и далее двое мужиков брались с обоих концов за жерди, поднимали копну и несли к стогу. После многочисленных протыканий жерди становились к концу уборки хорошо отполированными и блестящими, и в таком виде их использовали в течение многих лет.

Уж коль написал про стожарь, то стоит рассказать и про единственный раз увиденную мной шаровую молнию. В конце августа я и еще двое ребят ловили руками на заливаемых весной лугах рыбу в сильнопересохших теперь бочагах и маленьких болотцах. Траву на лугах скосили и сметали в стога с выступающими над сеном на 1,5–2 метра концами стожарей. Наползала извергающая молнии и гром дождевая туча. Но мы, деревенские, этого не боялись, так как уже неоднократно спасались от мокроты в стогах, приподняв снизу слой сена и устроив таким образом крышу над головой. Закапали первые дождевики, и мы залезли под стог. Изредка блистало и грохотало. Вдруг метрах в 15 от нас появился ярко-желтый с фиолетовым оттенком шар диаметром около 25 сантиметров, который, казалось, медленно перемещался над землей на высоте полутора метров от ее поверхности, то ускоряясь, то останавливаясь. Мы, первый раз видя такое чудо, наблюдали за ним с удивлением и любопытством. Вдруг шар ускорил полет по направлению к недалеко стоящему стогу, облетел его вокруг и резко поднялся вверх к самому концу стожаря. Раздался сильный звук, как будто рядом выстрелили дуплетом из нескольких ружей, показался столб дыма над стогом, и вспыхнуло огнем изнутри сено. Мы в испуге выскочили на дождь и наблюдали, как полыхала сухая в середине стога трава. Туча скоро пронеслась, и мы осторожно стали подходить к горящему стогу, оглядываясь вокруг, не появится ли еще такое же чудо. Верх стожаря длиной около полутора метров валялся на земле метрах в десяти от стога; ствол его был расщеплен на куски где-то на границе верха сена стога. Кто-то из ребят осторожно поднял этот обломок, и я увидел спиральный в 2–3 оборота по нему прожженный как бы раскаленной проволокой след (такой я делал сам раскаленной проволокой в кузнице), проходящий от верхнего конца вниз до начала сена. Конечно, мы тогда ничего не поняли, так как о шаровой молнии понятия не имели. Только много позже я сообразил, что это была именно она. Пришла мысль, а если бы она бабахнула в наш стожарь? Вряд ли бы мы все трое остались живы.

С приездом женщин на стане становилось веселее, мужики как будто переставали уставать от работы, было много шуток, розыгрышей и подначек. Как правило, один или несколько деревенских мужчин-косцов имели гармошки и привозили их с собой в лес. Примерно раз в неделю полдня выделялось для отдыха, для «бани» в выкопанной на краю болота глубокой яме с водой, стирки портянок и белья, выполнения каких-то накопившихся хозяйственных и общественных дел. Это же время использовали и для общего веселья с плясками и песнями под аккомпанемент гармоней.

Брали в лагерь на всякий случай и ружья. И хотя в округе недалеко от стана гнездились около болот много уток, но их не стреляли из-за запрета охоты в это время. Водились в лесах и волки, вообще-то боявшиеся летом людей, но которых иногда видели в первые лагерные дни. Еды им было достаточно из-за освоивших эти леса кабанов, следов которых и нарытой ими земли в поисках корней и личинок в округе имелось много. Однако из-за коллективного отбоя кос, когда общий

металлический звук сливался в громкий и далеко разносящийся грохот и звон, волки больше не появлялись. Соревнования же на меткость ружейной стрельбы устраивались часто. Правда, по бутылкам никогда не стреляли, чтобы не разбрасывать по траве стеклянные осколки. Это «табу» всеми строго соблюдалось. Обычно подбрасывали вверх какой-либо тряпичный предмет, чаще всего поношенную кепку (фуражку). Помню, как в очередной мой выезд в лагерь уже после войны приехал в первый раз на косьбу наш новый модный заведующий клубом и избой-читальней дядя Костя (его должность в народе называли «избач»), который в отличие от всех нас ходил не в лаптях, а в кожаных или кирзовых сапогах, постоянно носил добротную кожаную кепку – большая редкость для деревни того времени. Вот его-то и решили как-то вечером во время ужина разыграть мужики. Одним из них был Андрей Иванович Терехов, балагур и юморист. Еще Андрей обладал чрезвычайно заливистым и заразительным смехом. Бывают же такие. Пока он не переставал громко хохотать, никто тоже остановиться не мог. Как-то он достал из палатки двуствольное ружье и стал всем рассказывать, что вот недавно только купил его, но еще ни разу им не пользовался и потому оно не пристрелянное, и как правильно целить из него стволы по мушке он еще не знает, может надо отводить стволы влево, вправо или вверх (ружьё было тульского оружейного завода и, значит, качественное; стрелком он считался отменным, на самом деле с этим ружьем он уже неоднократно и продуктивно охотился на уток). Кто-то предложил проверить его ружье сейчас, но Андрей начал упираться, так как стволы потом неохота было чистить и смазывать. «Да и что палить по вашим рваным и дырявым кепкам. Ну, может, попадет одна дробинка, пройдет через дырку, и все равно не узнаешь, попал или нет», – равнодушно сказал он. И тут кто-то по заранее продуманному сценарию предложил стрельнуть в новую кепку избача. Костя начал отказываться, но все стали уговаривать его не трусить, так как Андрей с первого раза однозначно промажет, тем более, что начало уже смеркаться. Зато кепка будет героическая, обстрелянная. Под напором многих Костя, наконец, согласился, но при условии, что кепка не будет статически висеть на чем-то, а обязательно кто-то ее подбросит. Один косец с этой кепкой отошел метров на 25 от костра, возле которого сидел и ел из котелка Андрей, и крикнул, что готов подкинуть мишень. Андрей медленно поднялся с чурбака, взял с земли патронташ, нашел и вынул из него два нужных патрона, «переломил» ружье, посмотрел на просвет и продул зачем-то стволы, затем вставил в них патроны и сложил ружье. Оглядел лениво всех болельщиков и сказал, что очень неохота коптить стволы, но вдруг крикнул: «Кидай!» Кепка полетела ввысь и, достигнув «потолка», начала медленно падать. Андрей стоял, опустив вниз ствол ружья, как будто бы передумал стрелять. Однако вдруг резко приложил ружье к плечу и, казалось, не целясь, грохнул дуплетом по мишени. По воздуху полетели какие-то куски. «Надо же, как далеко пыжи отбросило», – прокомментировал Андрей и, положив ружье на землю, сел на чурбак доедать ужин. Несколько человек бросились к кепке, и сразу раздался их дружный смех. Все

увидели в центре кепки два отверстия с неровными краями, в каждое из которых свободно проходил насквозь большой кулак. Все стоявшие тоже начали дружно хохотать. Андрей взял кепку и, оглядев ее, покачал головой и передал Косте. «Что же ты надел, Андрей? Ведь это подарок жены к дню рождения. Теперь она никогда не пустит меня на сенокос, а мне так тут понравилось!» – горько произнес избач. «Ты извини, дружок, – ответил Андрей. – Но я чисто случайно попал в кепку, по ошибке нажав оба курка одновременно. Зато посмотри, какой красивый и кучный бой крупной дробью имеет ружье. Теперь могу смело считать, что оно пристреляно, а ты всем сомневающимся будешь документально подтверждать это размерами дыр в твоей кепке!» Андрей снова принялся за трапезу, а мужики начали успокаивать Костю, предлагая разные гипотезы для объяснения жене надобности появления таких отверстий в кепке. Например, надо ножницами обрезать бахрому краев, выровняв диаметры отверстий, а дома сказать, что пришлось специально сделать продухи для вентиляции головы и предохранения ее от перегрева, ибо, если этого не сделать, то быстро выпадут волосы и образуется лысына. Высказали и еще ряд идей, например, заделать эти отверстия марлей, чтобы не жалили комары и слепни, а также другие насекомые. Постепенно все начали расходиться по своим палаткам и стало тихо. И тут вдруг на весь стан раздался звонкий заразительный смех Андрея. Во всех палатках никто удержаться не мог, и весь лагерь дружно начал хохотать, причем часть людей выползала из палаток и каталась по земле в слезах от смеха. Минут через 7–10 Андрей прекратил свой смех, и все остановились вслед за ним, а затем он опять захохотал, и снова лагерь поддержал его. И так было раза три. Казалось, весь лес сотрясался от примерно 40 крепких мужских глоток. Конечно, волки и кабаны еще дальше рванули в лес.

На другой день утром Андрей, очевидно, все же переживая за испорченную кепку, сказал при всех Косте, что у него дома есть такого же цвета, как кепка, кусок кожи и он попросит хорошего сапожного мастера аккуратно пришить сверху круглую общую заплату, а потому кепка будет лучше новой, моднее и теплее. Свершилось ли это – не знаю, но думаю что так и произошло.

Хотелось отметить, что в лесу водилось много ужей и коричневатых медянок, тоже из семейства ужей, но более мелких и, естественно, не ядовитых. Они любители погреться и часто заползали в палатки. Я не раз, просыпаясь утром, обнаруживал свернувшихся сверху на одеяле медянок. Как правило, здесь их не убивали, но отгоняли, так как некоторые считали, что от укуса медянки нет спасения. Я не раз спрашивал у них, видели ли они или лично знали кого-либо, ужаленных медянкой. Всегда отвечали, что только слышали от кого-то. Меня же еще в придеревенских лесах отец научил отличать медянок от гадюк. Поэтому я медянок брал в руки, показывая, что они не кусают, и относил их подальше в лес. Правда, изредка здесь попадались и черные гадюки. Но среди укушенных ими тут в ногу видел лишь одну женщину. Нога у нее сразу опухла, женщину увезли на телеге в деревню, местные знахари ее чем-то лечили, и примерно через 15 дней она выздоровела.

Я на покосе в лесном лагере у шалаша

У меня сохранились фотографии нашего лагеря. Их я сделал в 1947 и 1949 годах, будучи на летних каникулах после окончания первого и третьего курсов техникума. Мне нравилось выезжать на такие покосы уже в качестве косаря, и потому в каникулы я всегда старался попасть в лагерь. Во-первых, это незабываемые впечатления от природы, от участников и разных там веселых и курьезных событий, запаха душистого сена. Во-вторых, у меня сохранялась острая австрийская коса, которую я тщательно отбивал сам и ухаживал за ней. И хотя кошение травы считается очень тяжелым крестьянским трудом, я благодаря такой косе мало уставал, а по молодости лет усталость вскорости проходила. В-третьих, косцы имели достаточно большую выработку. За рабочий день начисляли в трудовую книжку от двух

до трех трудодней, что служило неплохим подспорьем для дома. А всего мне повезло быть на выездном покосе в качестве косаря только три раза.

Теперь вернусь снова к бригадиру и соседу Ивану. Его призвали в 1941 году на войну, где он закончил танковую школу и стал водителем танка. Неоднократно горел в них, но оставался жив. Наверное, будучи по характеру лихим и заводным, воевал он смело, о чем свидетельствовали его многочисленные ордена и медали. А за участие в боях на территории Польши его представили к званию Героя Советского Союза. Об этом его соседи получили официальное извещение. Но награду он не получил в связи со следующим. Однажды их танковую часть, остановившуюся на кратковременный отдых, внезапно атаковали фашисты, скрывавшиеся в бетонных подземных бункерах, о которых наши бойцы не знали. В бою погибло много танкистов, в том числе двое из экипажа Ивана, оказавшиеся вне брони танка. Он же, будучи на тот момент в танке вместе с заряжающим, сыграл ключевую роль в уничтожении большинства врагов. Он расстреливал их из пушки и пулемета, а из захваченных в плен несколько человек лично расстрелял, а генерала повесил на стволе танковой пушки, подняв ее жерло вверх. Это самоуправство и послужило причиной отзыва представления. Вернувшись после войны домой, он никогда не жалел о случившемся, хотя хорошо понимал, что лишился геройских льгот. Иван замечательно относился ко мне и остался в памяти как очень интересный человек, с огромным чувством юмора, который помнил много забавных жизненных историй, артистично и искусно

преподнести их. Запомнился он и как работяга и уважаемый всеми жителями деревни бригадир, а после войны – еще и знаток тракторной техники. Как бывший танкист он здорово разбирался в двигателях, помогал при необходимости найти неисправность и отремонтировать, но сам за трактор почему-то никогда не садился. По-видимому, это из-за войны. Нас, послевоенных мальчишек, такое поведение Ивана очень удивляло, так как каждый из нас всегда хотел порулить какой-нибудь моторной техникой. Меня он звал уважительно только «Аким Андрева внук», и с его подачи такое мое прозвище закрепилось в деревне еще с довоенного времени.

7. ДЕТСКИЕ ГОДЫ, УЧЕБА В ШКОЛЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ

После представлений в предыдущих разделах моих родителей и сестер, ближних и дальних родственников, а также наших соседей возвращаюсь к продолжению воспоминаний о дошкольных годах и учебе в начальной школе. Из моих детских фотографий осталась только одна – я с матерью в возрасте около шести лет осенью 1936 года. Было воскресенье, и мать собралась пойти в церковь, находящуюся в 3 километрах от нас, так как там должно быть венчание кого-то из знакомых. Я уговорил ее взять меня с собой. И тут у нашего дома встретил нас фотограф и предложил сфотографироваться, что мы и сделали. А фотографом был мой крестный – Фомин Иван Иванович, работавший в Москве и приезжавший ежегодно с семьей летом в деревню в отпуск подышать «родным воздухом». Их высокий Г-образный дом из шести или более комнат (что для крестьянских жилищ необычно) на каменном фундаменте, срубленный из толстых одинакового диаметра сосен еще до 1917 года, стоял на другом порядке деревни недалеко от нашего дома, но не в общем ряду, а на отлете, метрах в 150 от общей дороги, как говорили у нас – «на полянке». Бревна сруба снаружи и внутри были очень аккуратно оструганными, причем в комнатах предварительно все бревна были стесаны в одной вертикальной плоскости. Ни одно из бревен не имело продоль-

Я в 6 лет с матерью